

УДК 159.923

Doi: 10.26456/vtpsyed/2023.1.025

ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЭГО-ИДЕНТИЧНОСТИ НА ЭТАПЕ ЮНОШЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

О.Н. Комарова, А.Л. Рассказова

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Москва

В статье проанализированы представления о феномене личностной идентичности в зарубежной и отечественной психологии; описана динамика статусов эго-идентичности; определены возрастные различия в структуре и содержании личностной идентичности. В исследовании приняли участие 30 подростков и 30 юношей. Сбор данных производился с использованием методики исследования самоотношения С.Р. Панталева; методики изучения личностной идентичности Л.Б. Шнейдер; теста Куна–Макпартленда «Кто я?».

Ключевые слова: *эго-идентичность, статусы идентичности, самоотношение, развитие личности, подростковый и юношеский возраст.*

Согласно классическим теориям личностного развития, существует структура личности, которая выступает интеграционным центром, определяющим основные тенденции личностного развития. Анализ особенностей личностной идентичности как структурного компонента системы «Я» позволяет полагать, что именно личностная идентичность является тем структурным компонентом, которому отводится роль интеграционного центра. Поэтому особенности личностной идентичности находятся во взаимосвязи с другими личностными характеристиками.

Термин «идентичность» благодаря своей терминологической биполярности, которая, с одной стороны, предполагает неизменность, устойчивость, тождественность самому себе, с другой стороны – постоянное движение, изменение в рамках собственного «Я», является феноменом, который, несмотря на многолетнюю традицию исследования, остается в фокусе внимания зарубежных и отечественных ученых.

Междисциплинарный подход к проблеме идентичности с точки зрения антропологии, социологии, философии, психологии позволяет расширить диапазон возможностей в исследовании данного феномена. Превращение робких попыток отдельных психологов обосновать исследовательский интерес к данной проблематике в солидную традицию изучения идентичности насчитывает много десятилетий и связано с именами ведущих отечественных и зарубежных классиков: В. Дильтея, Р. Бернса, С. Кьеркегора, Ю. Комарова О.Н., Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Ж. Деррида, К. Родж Рассказова А.Л., 2023, А. Маслоу, Г. Мида, Э. Эриксона, Дж. Марсиа, А. Гешфела, Э. Фрейд, Э. Фромма, К. Юнга, Дж. Тернера, Г. Олпорта, В. Хесле, У. Джеймса,

Х. Салливена, Ж. Пиаже, К. Хорни, Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина, Г.М. Андреевой, М.М. Бахтина, А.Н. Леонтьева, К.А. Абульхановой-Славской, С.Л. Рубинштейна, Б.Ф. Поршнева, И.С. Кона, А.Г. Спиркина, Э.В. Ильенкова, О.Г. Дробницкого, В.Я. Ядова, Л.В. Сохань и других.

Становление и развитие проблематики идентичности связано с философско-антропологическими исследованиями экзистенциалистов начала XX века в контексте значимости духовной проблематики личности в современном индустриально-бюрократическом обществе, нацеленном на массовое потребление и переживающем кризис разлада общественных связей и отношений. Экзистенциальный кризис личности предполагает направленность, с одной стороны, на уникальность выбора своего жизненного пути, целей и средств реализации своих жизненных планов, а с другой стороны, переживание мучительного одиночества, обезличенности, бездуховности и бесцельности своего существования. Философская традиция исследования идентичности опирается на сложные и противоречивые отношения личности и общества, где личность отстаивает свое право на индивидуальное существование, в противном случае личность может быть поглощена социумом.

По мнению Ю. Хабермаса, личность ведет непрерывную борьбу против обезличивания, деиндивидуализации и деперсонализации. Э. Фромм видит в этой борьбе величайший экзистенциальный кризис современного человека, который отражает сложное взаимодействие основных потребностей человека и социальных условий. Э. Фромм ввел в категориальный аппарат понятие «персональная идентичность», провозглашая тем самым процесс обособления, индивидуализации, при этом подчеркивая, что ведущей потребностью индивида является соединение себя с миром путем принятия человеческих ценностей, массовой культуры, идеологии. Даже в определении любви, данной Э. Фроммом, существует квинтэссенция двух разнонаправленных тенденций: слить себя с кем-либо или чем-либо без потери целостности своего «Я» [7].

Трагизм разобщенности внутренней сущности человека отчетливо представлен в философии постмодернизма, где личность человека отражает социальные процессы общества и характеризуется свойствами ризомности и детерриторизации [2]. В определенной степени философские концепции постмодернизма нашли свое отражение в разнонаправленных течениях психологической мысли: продуктивные и непродуктивные типы характера по Э. Фромму, типы личности по А. Адлеру, невротические потребности личности К. Хорни, в которых персонологи выделяют основные стратегии существования людей в социокультурном пространстве, чтобы избавиться от обезличенности, безысходности, одиночества, отчаяния и обреченности своего существования. Социальный невроз современного общества актуализировал поиск решения проблемы целостности индивида, его социальной значимости, вовлеченности в общественные процессы,

осознанности и ответственности. К.Г. Юнг постулировал процесс развития человека – индивидуацию – как согласование внутренних противоречий своего бытия на пути достижения «самости» – системного качества человека, интегрирующего внутренние разнонаправленные процессы в единый непротиворечивый образ. По мнению А. Адлера, цель жизни человека – в достижении совершенства. К. Хорни писала о самореализации личности, которая, по словам автора, заложена в инстинктивном поведении человека. Попытка представителей постфрейдистского психодинамического направления решить проблему реализации потенциала личности и достижения целостности в социальном аспекте авторы решили лишь частично, поскольку сама проблема исследовалась с позиций психоанализа, где акцент переносится с социально-психологической сущности человека на внутренний субъективно-индивидуалистический опыт как единственно верный.

Существенный вклад в разработку проблемы идентичности внесли представители символического интеракционизма и когнитивной психологии: У. Джеймс, Ч. Кули, Г. Мид, Э. Гоффман, Л. Краппман, Г. Горфинкель, развивая концепцию двухаспектной идентичности (личностной и социальной). При этом, учитывая влияние общества на формирование идентичности, ученые показали, что человек проактивен, выбирая, каким из предложенных обществом ценностей, целей, норм и правил подчиняться. Э. Гоффман, Л. Краппман, Г. Горфинкель разработали теорию владения пространством и временем (политика идентичности) в ситуациях угроз и неопределенности. А. Тешфел и Дж. Тернер и в рамках когнитивной психологии установили, что развитие личной идентичности подавляет социальную и наоборот. А. Гидденс предположил, что развитие идентичности человека представляет собой двухполярный континуум, на одном конце которого находится конформность (полное подчинение обществу), на другом – самопоглощенность и замкнутость на себе, все оставшееся пространство между крайними точками представляет собой разные варианты развития идентичности.

Основоположником научной концепции идентичности принято считать Э. Эриксона, включившего это понятие в свою концепцию эпигенетического личностного развития [8]. Согласно его точке зрения, «идентичность» – это тождественность индивида самому себе. То есть «идентичность» – это в полной мере воспринятый и воспринимаемый личностью образ самого себя во всем многообразии отношений личности к миру, ее окружающему, а также ощущение симметричного и постоянного овладения личностью своим собственным «Я» вне зависимости от возможной его трансформации либо перестройки внешней ситуации. Также под «идентичностью» Э. Эриксон понимал способность личности к комплексному решению задач, которые она встречает на всех этапах своего формирования [9].

Подобно Э. Эриксону, разработкой научного подхода к идентичности с позиции психоанализа занимались Ж. Лакан, Г. Аммон и

др. Данные ученые обращались к проблемам личностной, социальной, этнической, профессиональной, аддитивной, сетевой и прочей идентичности [6, с. 22–32].

Наряду с взглядом Э. Эриксона на эго-идентичность следует также проанализировать научные взгляды Дж. Марсиа по данному вопросу. Предложенная этим ученым модель статусов идентичности стала одной из целого ряда попыток свести теоретическую концепцию идентичности Э. Эриксона к эмпирическим процедурам измерения и, по мнению международной научной общественности, единственной из них, достойной внимания. К несчастью, знакомство отечественной психологической науки с представлениями Дж. Марсиа происходит на основании теоретических обзоров, т.к. на текущий момент не было переведено ни одного его основополагающего труда [3, с. 157].

Согласно воззрениям Дж. Марсиа, под идентичностью следует понимать структуру эго (т.е. «внутреннюю самосоздающуюся, динамическую организацию потребностей, способностей, убеждений и индивидуальной истории»). С целью эмпирического анализа теоретических положений Э. Эриксона ученый выдвинул тезис, что эта предположительная структура находит свое выражение в демонстрируемых паттернах «решения проблем».

В трудах классиков отечественной психологии подчеркивается приоритет и значимость социальной идентичности над личностной (Д.Б. Эльконин, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Г.М. Андреева, Б.Ф. Поршнев, Э.В. Ильенкова, Е.И. Головаха, В.С. Мерлин, С.Л. Рубинштейн, А.А. Кроник).

В современных российских условиях тема идентичности набирает обороты популярности в связи с усложнившимися внутривитальными и внешнеполитическими условиями, которые усугубляют кризис идентичности. Например, В.А. Емелин под идентичностью понимает тождественность человека самому себе во времени и пространстве, которую он прочувствует как принадлежность (либо непринадлежность) к контролирующим (либо неконтролирующим) ситуациям общностям, непредсказуемости (либо предсказуемости) событий. Согласно его точке зрения, идентичность может быть сопоставлена с теми ощущениями, представлениями и знаниями, формирующими базу для самоотождествления, которую индивид может идентифицировать как свое «Я» [3, с. 155–161].

Г.С. Банников и К.А. Кошкин изучали роль «диффузной идентичности» в развитии антивитальных переживаний и аутоагрессивных форм поведения. Им удалось прийти к выводу, что среди индивидов, переживающих антивитальные мысли, до 70 % тех, кто имеет умеренную и выраженную степень «диффузной идентичности» и конфликта идентичности [1, с. 35].

Ю.Г. Овчинникова и П.Б. Селюгина в результате проведения анализа понятия «личностная идентичность» пришли к выводу, что личностная идентичность в рамках психологического знания

раскрывается через ряд дихотомических характеристик: внутренняя сущность – согласованность с социальными ценностями; единство постоянства – тенденция изменчивости; проблема целостности – достижение адаптации [5, с. 153–161].

Эти дихотомические характеристики отражают сложный конфликтный характер личностной идентичности, определяют направления ее развития. И если, согласно культурно-исторической традиции, личностная идентичность понимается как последовательное развитие личности, переживающей кризисы посредством разрушения предшествующих структур и построения новообразований, то осознание факта содержания противоположностей в самой структуре идентичности позволяет полагать идентичность процессом трансформации, взаимодополнения.

В исследовании приняли участие 30 подростков (возраст от 13 до 15 лет) и 30 юношей (возраст от 17 до 18 лет). В половом отношении группы представлены в равных пропорциях (по 15 юношей и 15 девушек в каждой группе). Были использованы следующие психодиагностические методики [4]: методика исследования самооотношения С.Р. Пантилеева (МИС); методика изучения личностной идентичности (МИЛИ) (Л.Б. Шнейдер); тест Куна–Макпартленда «Кто я?».

С помощью диагностики по методике С.Р. Пантилеева МИС были выявлены особенности самооотношения у подростков.

В наименьшей степени в выборке подростков выражены такие параметры, как «самопривязанность», «самоуверенность» и «зеркальное Я». Низкие значения по этим параметрам свидетельствуют о том, что подростки не удовлетворены собой, стремятся изменить себя в желании походить на определенный идеал. Им свойственны сомнения в своих силах, нередко возникает чувство собственной никчемности. Даже достигая тех или иных вершин, они могут испытывать «синдром самозванца», полагать, что их достижения носят случайный характер. Подростки сомневаются в том, что могут понравиться окружающим, вызвать их искренний интерес, заслужить уважение. Скорее они ожидают негативной реакции со стороны окружающих людей, ждут насмешки, отказа, осуждения.

Такой параметр, как «конфликтность», в выборке подростков представлен несколько выше среднего. Это говорит о наличии склонности к внутреннему конфликту, развитой рефлексии, стремлении разобраться в своих чувствах, осознать свои реальные трудности.

Высоко развит в подростковой выборке такой параметр самооотношения, как «самоценность». Несмотря на то что подростки испытывают опасения, что окружающий мир не примет их, они полагают себя особенными, уникальными личностями, верят в то, что «не такие, как все». Идея собственной уникальности характерна для развития в подростковом возрасте. Подросток, впервые сталкиваясь с различными эмоциональными переживаниями, нередко полагает, что они доступны только ему, поэтому окружающие (особенно взрослые) не в состоянии его понять.

Обобщая изложенное, отметим, что самоотношение подростков характеризуется недостаточной самопривязанностью и самоуверенностью, низким отраженным самоотношением на фоне умеренно повышенной внутренней конфликтности и развитой самооценности.

На основании результатов проведения методики Л.Б. Шнейдер МИЛИ были получены сведения о распределении статусов личностной идентичности в выборке подростков. Наиболее характерными статусами личностной идентичности оказались диффузная идентичность и мораторий.

Диффузная идентичность была выявлена у 9 подростков, что составляет 29,7 % выборки. Диффузную идентичность можно считать первичным статусом идентичности. Она свойственна индивидам, которые еще не прошли через кризис идентичности, а потому не включены в процесс поиска подходящей для себя альтернативы в целом перечне важнейших жизненных выборов. Индивиды с диффузной идентичностью пока не приняли на себя существенных обязательств, не осознают последствий сделанных жизненных выборов. Для подросткового возраста подобный статус идентичности характерен. Однако нормативным его можно считать скорее для младших подростков, учитывая, что в проведенном исследовании мы диагностировали подростков среднего и старшего подросткового возраста, можно отметить, что заметно некоторое запаздывание формирования личностной идентичности.

Мораторий идентичности как статус в выборке подростков продемонстрировали 11 человек, что составляет 33 % выборки. Такой статус отражает нахождение подростка непосредственно в процессе переживания кризиса личностной идентичности. Можно сказать, что подростки с таким статусом идентичности прямо сейчас для себя ищут ответы на важнейшие жизненные вопросы, перебирают разные жизненные траектории в поисках той, что наиболее им подойдет. Переживание моратория нормативно для подростков, особенно в старшем подростковом возрасте, поэтому мы полагаем, что данная часть выборки движется в развитии своей личностной идентичности в соответствии с возрастными нормативами.

У 7 подростков (что составляет 23,1 % выборки) была обнаружена преждевременная идентичность. Такой статус идентичности возникает при внешней декларации реализации выбора целей, ценностей, смыслов на фоне отсутствия фактически выполняемого выбора. Чаще всего подростки с преждевременной идентичностью стремятся выглядеть старше своих лет либо полностью подчиняются выбору значимых взрослых или референтной группы. Такой статус идентичности можно отнести к неблагоприятным. Подросткам с преждевременной идентичностью для формирования реальной позитивной идентичности придется пройти через мораторий, чтобы сделать свой реальный выбор, иначе они будут следовать за навязанными им извне целями, что рано или поздно приведет к когнитивному диссонансу и личностному кризису идентификации.

Достигнутая идентичность и псевдоидентичность выявлены у незначительного количества подростков (у 1-й и 2-й группы,

соответственно, 3,3 и 6,6 % выборки). Наличие позитивной достигнутой идентичности в подростковом возрасте демонстрирует опережение темпов развития, а псевдоидентичность свидетельствует в пользу неблагоприятного отрицания своей уникальности.

На основании проведения теста «Кто я?» Куна–Макпартленда была установлена выраженность у подростков основных идентификационных характеристик.

Согласно методике проведения теста, испытуемый должен был назвать 20 характеристик самого себя. Все эти характеристики были распределены на семь основных групп. В наибольшей степени подростки характеризовали себя, используя социальные характеристики («Я – девочка / мальчик», «Я дочь / сын», «Я – ученица школы / ученик школы», «Я – русская / русский» и пр.). Также широко распространены рефлексивные характеристики («внимательная», «крутой», «привлекательная», «симпатичный», «спортивный» и пр.). Выражено и физическое «Я» подростков (характеристики типа «высокий», «стройная», «брюнетка», «блондинка», «рыжий» и пр.).

В наименьшей степени в выборке подростков для идентификации были использованы коммуникативные характеристики, характеристики, основанные на временной перспективе, а также материальные (заземленные) характеристики. Отметим, что подростки в рамках самоидентификации основывают свое описание прежде всего на социальных, рефлексивных и физических характеристиках.

Перейдем к анализу результатов исследования особенностей личностной идентичности в юношеском возрасте.

На основании проведения теста МИС С.Р. Пантилеева были получены сведения о характере самоотношения в выборке юношей и девушек. В юношеской выборке отмечается низкая самопривязанность, что говорит о стремлении юношей и девушек к самоизменению, самосовершенствованию, об определенном перфекционизме, который не позволяет им быть удовлетворенными достигнутыми целями, заставляет двигаться вперед. Такое стремление к идеалу характерно для периода юности, отражает его энергию, готовность к трансформации. Низкий уровень самообвинения означает достаточную адаптированность юношей и девушек, отсутствие у них заикленности на совершенных ошибках, имеющих недостатки.

Достаточно выраженные значения по таким параметрам, как «самопринятие», «самоценность», «самоуверенность», «зеркальное Я», обозначают портрет юноши или девушки из выборки следующим образом. Респонденты в целом принимают себя, лояльны к своим недостаткам, осознают свою особенность и уникальность, стремятся сохранить ее, не испытывают внутреннего напряжения, полагают, что могут нравиться окружающим, привлекать их внимание, вызывать интерес и уважение.

Обобщая особенности самоотношения, выявленные в выборке юношей и девушек, можно отметить, что им свойственно эмоционально

благоприятное самоотношение, при котором собственные особенности воспринимаются как признак уникальной личности, а недостатки хотя и не игнорируются, но и не становятся основанием для снижения самопринятия.

По итогам выявления характерного для юношеской выборки статуса идентичности отмечаем, что в наибольшей степени в группе представлена достигнутая позитивная идентичность. Ее имеют 14 юношей и девушек, что составляет 46,2 % выборки. Такой статус знаменует благоприятное окончание кризиса идентичности. Столкнувшись с необходимостью искать свое место в общественной жизни, профессии, межличностных отношениях и прочих сферах, юноши и девушки с достигнутой идентичностью эффективно смогли такой поиск произвести, обнаружив подходящие для себя жизненные цели, сделав нужные выборы. Достижение в юношеском возрасте позитивной идентичности не означает, что сделанные выборы будут актуальны до конца жизни. Однажды их, вероятно, вновь придется пересмотреть с учетом изменившихся обстоятельств. Однако в настоящий момент развития юноши и девушки с достигнутой позитивной идентичностью представляют собой примеры в целом гармоничного развития личности в соответствии с возрастными нормативами [10, с. 311–320].

В определенной степени в выборке юношей и девушек оказались выражены и такие статусы идентичности, как диффузная идентичность и мораторий идентичности. Диффузная идентичность была выявлена у 7 юношей и девушек (23,1 % выборки). Этот статус идентичности характеризует отсутствие выраженных жизненных устремлений, ценностей, убеждений. При этом у лиц с таким статусом идентичности не проявляется выраженного стремления к формированию и уточнению своей уникальной жизненной траектории. Такие испытуемые стремятся «затеряться в толпе», «быть как все», давать социально желательные ответы. Вероятно, эти юноши и девушки либо не оказались в ситуации переживания кризиса, либо не смогли справиться с предлагаемыми этим кризисом вызовами. Мораторий идентичности в юношеской выборке переживают 6 человек (19,8 %). Мораторий характеризует переживание кризиса идентичности, поиск себя и своего места, выбор жизненных смыслов и определение превалирующих ценностей. В целом мораторий относится к развитым статусам идентичности. Однако для юношеского возраста переживание моратория – скорее демонстрация определенной инфантилизации по типу подросткового развития.

Преждевременную идентичность и псевдоидентичность как статусы имеют по 1 испытуемому юношеской выборки (3,3 %). Это неблагоприятные статусы, отражающие отсутствие идентичности либо по причине отказа от совершения независимых и самостоятельных жизненных выборов, либо по причине нарушения механизмов идентификации и обособления, ведущих к гипертрофированному самовосприятию.

Наиболее выраженной идентификационной характеристикой для юношеской выборки является социальная («Я – молодая девушка /

парень», «Я – дочка своих родителей / сын», «Я – сестра / брат / племянник», «Я – гражданка России» и пр.).

На втором месте по популярности в выборке юношей и девушек идентификационные характеристики перспективного Я («Я – будущий программист / инженер», «Я буду студенткой / поступлю в вуз», «Я скоро буду самостоятельной / буду жить сам» и пр.). Очевидно, что ввиду наступающего профессионального самоопределения для юношей и девушек важным становится не только то, какие они сейчас, но что их ждет впереди. Они мысленно уже находятся на следующей стадии своего развития.

Физические и деятельные характеристики в юношеской выборке представлены несколько меньше. Редко встречаются коммуникативные, рефлексивные и материальные характеристики для описания собственной идентификации.

Итак, говоря об особенностях идентификации юношей и девушек, отметим, что в наибольшей степени они описывают себя через социальные и перспективные характеристики. В меньшей степени для того, что самоидентифицироваться, в юношеской выборке используются материальные, коммуникативные и рефлексивные описания Я.

В рамках исследования было выдвинуто предположение о том, что у подростков и юношей существуют достоверные различия в развитии параметров, отражающих личностную идентичность.

Таблица 1

Результаты диагностики самоотношения подростков и юношей по методике МИС С.Р. Панталева

Параметр	Среднее значение в группе подростков	Среднее значение в группе юношей	Вывод
Открытость	4,73 ± 1,98	4,43 ± 2,05	$U_{эмт}(412,5)$, различия не достоверны, $p > 0,05$
Самоуверенность	3,07 ± 1,36	7,17 ± 1,37	$U_{эмт}(12)$, различия достоверны при $p \leq 0,01$
Саморуководство	4,03 ± 1,33	6,83 ± 1,23	$U_{эмт}(57,5)$, различия достоверны при $p \leq 0,01$
Зеркальное Я	3,07 ± 1,20	7,03 ± 1,19	$U_{эмт}(6)$, различия достоверны при $p \leq 0,01$
Самоценность	7,37 ± 1,63	7,4 ± 1,57	$U_{эмт}(442,5)$, различия не достоверны, $p > 0,05$
Самопринятие	4,17 ± 0,99	6,03 ± 1,07	$U_{эмт}(106)$, различия достоверны при $p \leq 0,01$
Самопривязанность	2,83 ± 1,21	2,93 ± 1,20	$U_{эмт}(430,5)$, различия не достоверны, $p > 0,05$
Конфликтность	5,9 ± 1,16	6,03 ± 1,33	$U_{эмт}(424,5)$, различия не достоверны, $p > 0,05$
Самообвинение	4,13 ± 1,19	3,9 ± 1,18	$U_{эмт}(399)$, различия не достоверны, $p > 0,05$

В табл. 1 приведены результаты диагностики самоотношения подростков и юношей по методике МИС С.Р. Панталева и данные по расчету U -критерия Манна–Уитни. Обобщение полученных данных дает возможность сделать вывод о том, что в рамках юношеского возраста процесс становления самоотношения протекает более динамично, чем в

подростковом. Это происходит благодаря росту таких характеристик, как самоуверенность, саморуководство, отраженное самоотношение. Ориентация на отношения с окружающими людьми, принятие своих особенностей и недостатков как естественной составляющей личностной уникальности дает юношам и девушкам возможность принимать себя в большей степени, чем самопринятие доступно в подростковом возрасте.

В табл. 2 приведены результаты диагностики личностной идентичности подростков и юношей по методике МИЛИ Л.Б. Шнейдер и данные по расчету *U*-критерия Манна–Уитни. Наглядно результаты диагностики личностной идентичности подростков и юношей по методике МИЛИ Л.Б. Шнейдер приведены на рис. 1.

Таблица 2

Результаты диагностики личностной идентичности подростков и юношей по методике МИЛИ Л.Б. Шнейдер

Параметр	Среднее значение в группе подростков	Среднее значение в группе юношей	Вывод
Уровень идентичности	1,92 ± 0,99	2,93 ± 0,99	$U_{эмп}(205)$, различия достоверны при $p \leq 0,01$

Преждевременная идентичность характеризует собой очень низкий уровень личностной идентичности с пассивным типом. Такой статус идентичности был выявлен у 7 подростков и 2 юношей (23,1 и 6,6 % соответственно). Очевидно, что наиболее неразвитый тип идентичности выявлялся чаще в подростковом возрасте и оказался практически не свойственен для юношей и девушек.

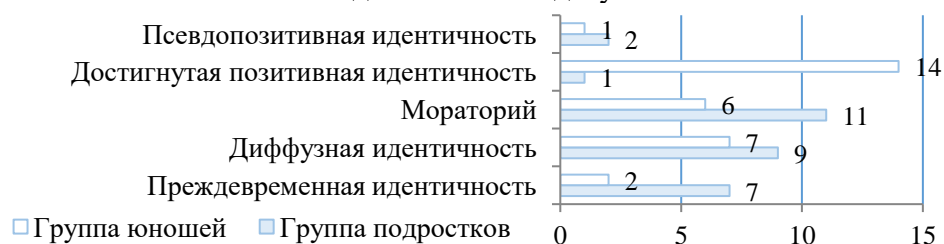

Рис. 1. Результаты диагностики личностной идентичности подростков и юношей по методике МИЛИ Л.Б. Шнейдер

Диффузная идентичность представляет собой низкий уровень личностной идентичности с невыраженным типом. Этот статус был зафиксирован у 9 подростков и 7 юношей (29,7 и 23,1 % соответственно).

Мораторий – это средний уровень личностной идентичности с выраженным активным типом. Мораторий идентичности был выявлен у 11 испытуемых подростковой выборки и 6 испытуемых юношеской выборки (36,3 и 19,8%). Мораторий – естественный путь для формирования позитивной идентичности, свойственный старшему подростковому возрасту. Поэтому естественно, что именно в выборке подростков число выявленных подобных статусов выше.

Достигнутая идентичность представляет собой оптимальный уровень личностной идентичности с устойчивым типом. Достигнутая идентичность была выявлена только у 1 подростка (3,3 % выборки). При

этом ее продемонстрировали 14 юношей и девушек (46,2 % выборки). Достижение позитивной идентичности – это результат благоприятного выхода из кризиса идентичности. Преодоление кризиса идентичности выступает одной из задач юношеского возраста. Поэтому, мы полагаем, естественно отмечается такая существенная разница между выраженностью указанного статуса идентичности в подростковой и юношеской выборке.

Псевдоидентичность являет собой завышенный неадекватный уровень личностной идентичности с гипертипом. Это неблагоприятный тип идентичности. Он не характерен ни для подростков, ни для юношей (выявлен у 6,6 и 3,3% выборки соответственно).

Возрастная динамика становления личностной идентичности в подростковом возрасте и в юности отражается в переходе от статуса диффузии и моратория в подростковом возрасте к статусу достигнутой позитивной идентичности в юности. Наступление юношеского возраста сопровождается снижением количества испытуемых в статусе диффузной идентичности (9 и 7 соответственно), резким возрастанием количества индивидов, достигших личностной идентичности (1 и 14 соответственно). Возраст 17–18 лет выделен как сенситивный для становления личностной идентичности.

Итак, достигнутая идентичность и мораторий, выявленные ведущими статусами идентичности в юношеской выборке, считаются высокоразвитыми статусами эго-идентичности, поскольку в них присутствует активное исследование обязательств. Преждевременная и диффузная идентичность, выявленные в выборке подростков, относятся к слаборазвитой идентичности ввиду недостаточного личностного осознания своих обязательств. Поэтому отмечаем, что личностная идентичность в юношеском возрасте характеризуется более высокоразвитыми статусами, чем личностная идентичность подростков. Выявленные различия достоверны при $p \leq 0,01$, что подтверждено расчетом *U*-критерия Манна–Уитни. В табл. 3 приведены результаты диагностики основных идентификационных характеристик подростков и юношей по методике «Кто я?» Куна–Макпартленда и данные по расчету *U*-критерия Манна–Уитни. В соответствии с произведенным расчетом *U*-критерия Манна–Уитни выявлено, что достоверные (при $p \leq 0,01$) различия в данных выборки подростков и юношеской выборки зафиксированы по таким идентификационным характеристикам, как «Рефлексивное Я» и «Перспективное Я».

Подростки, характеризуя себя, основываются на данных рефлексии в большей степени, чем юноши и девушки. В самоописаниях «рефлексивного Я» преобладали такие ответы-характеристики: «Я человек», «Я личность», «Я целый мир», «Я интроверт», «Я лидер по своей натуре», «Я человек с сильным характером», «Я везунчик», «Я идеалист», «Я – современная личность» и др. В юношеской же выборке зафиксированы более частые отсылки к перспективе будущего в самоидентификации, что не свойственно для подростков.

Преобладающими среди этих оценок оказались стремления и профессиональная перспектива – намерения и мечты, связанные с учебно-профессиональной сферой.

Таблица 3

Результаты диагностики основных идентификационных характеристик подростков и юношей по методике «Кто я?» Куна–Макпартленда

Параметр	Среднее значение в группе подростков	Среднее значение в группе юношей	Вывод
Социальное Я	5,53 ± 1,36	5,9 ± 1,29	$U_{эмп}(395)$, различия не достоверны, $p > 0,05$
Коммуникативное Я	1,8 ± 0,81	1,77 ± 0,77	$U_{эмп}(441,5)$, различия не достоверны, $p > 0,05$
Материальное Я	1,37 ± 0,49	1,37 ± 0,49	$U_{эмп}(450)$, различия не достоверны, $p > 0,05$
Физическое Я	3 ± 0,98	2,73 ± 1,01	$U_{эмп}(368)$, различия не достоверны, $p > 0,05$
Деятельное Я	2,7 ± 0,92	2,47 ± 1,31	$U_{эмп}(359,5)$, различия не достоверны, $p > 0,05$
Рефлексивное Я	3,93 ± 1,14	1,67 ± 0,76	$U_{эмп}(40)$, различия достоверны при $p \leq 0,01$
Перспективное Я	1,67 ± 0,66	4,1 ± 0,66	$U_{эмп}(7,5)$, различия достоверны при $p \leq 0,01$

Рефлексия является новообразованием для подросткового возраста, подростки испытывают потребность погружаться в свои мысли, обдумывать свои поступки, заново переживать эмоции и чувства, которые были вызваны контактом с окружающим миром. Это объясняет распространенность в подростковой выборке рефлексивных самоописаний.

Юношескому возрасту, в свою очередь, свойственна ориентация на будущее, стремление к обретению нового социального и профессионального статуса, фантазии, связанные с этими процессами. Это объясняет склонность юношей и девушек к использованию при самоописании характеристик перспективного Я.

Таким образом, у лиц подросткового и юношеского возраста существуют достоверные различия в развитии параметров, отражающих личностную идентичность (в самоотношении, статусе идентичности, самооценке), а именно: процесс становления самоотношения в юношеском возрасте протекает более динамично, чем в подростковом, благодаря росту таких характеристик, как самоуверенность, саморуководство, отраженное самоотношение; личностная идентичность в юношеском возрасте характеризуется более высокоразвитыми статусами, чем личностная идентичность подростков; подростки для самоидентификации чаще используют рефлексивные образы, тогда как для юношества свойственно обращение к перспективе, описание себя через планируемые будущие роли.

Результаты проведенного исследования личностной идентичности в подростковом и юношеском возрасте обуславливают необходимость рассмотрения условий целенаправленного формирования позитивной идентичности подростков в период обучения в школе.

Определение условий формирования идентичности современных школьников может служить предметом нашего дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Банников Г.С., Кошкин К.А. Антивитальные переживания и аутоагрессивные формы поведения подростка с «диффузной идентичностью» // Психол. наука и образование. 2019. № 1. С. 31–40.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
3. Злоказов К.В. Вопросы развития идентичности в работах последователей Эриксона // Педагогическое образование в России. 2015. № 9. С. 155–161.
4. Комарова О.Н., Рассказова А.Л. Основы социальной психологии. М.: Онтот-Принт, 2021. 242 с.
5. Овчинникова О.В. Личностная идентичность: от философских истоков к психологической сущности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. №1. С. 153–161.
6. Осипова А.В. Гендерная идентичность как «игра в пол» в структурно-аналитическом подходе Ж. Лакана // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2018. № 1. С. 22–32.
7. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990. 269 с.
8. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Летний сад, 2000. 415 с.
9. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 341 с.
10. Bokut E.L., Gubina E.V., Komarova O.N., Rasskazova A.L., Akhtyan A.G. Identity features of modern Russian students // Astra Salvensis. 2018. V. 6. P. 311–320.

Об авторах:

КОМАРОВА Оксана Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и практической психологии ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1); e-mail: okomarova2009@yandex.ru

РАССКАЗОВА Алла Львовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и практической психологии ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1); e-mail: allarasskazova@mail.ru

THE DYNAMICS OF SELF-IDENTITY FORMATION DURING THE STAGE OF ADOLESCENT SOCIALIZATION

O.N. Komarova, A.L. Rasskazova

Moscow City Teacher Training University, Moscow, Russia

The article analyses the ideas about the phenomenon of self-identity in foreign and Russian psychology, describes the dynamics of self-identity statuses, identifies age differences in the structure and content of personal identity. The study involved 30 teenagers and 30 boys. Data collection was carried out using the method of studying the self-relationship of S.R. Pantileev; methods of studying personal identity L.B. Schneider; Kuhn-McPartland test «Who am I?».

Keywords: *self-identity, identity statuses, self-perception, personality development, adolescence.*